

Напросилась Евдокия в поездку неспроста. Давно побаливало вечерами сердце, засыпала с корвалолом. Ночью и подавно прихватывало крепко. Тихо, чтобы не слышали родные, поднималась, в темноте комнаты, пила нитроглицерин. Днем держалась, работала по дому, а ночью барахлил мотор, давал сбои возрастные. Три дня назад днем в огороде прихватило. Собирала малину, дух ароматный над кустами, пыльца от прикосновения летит, собирает пчел в округе. Только ойкнула и осела в тень, хватая открытым ртом воздух, руками – столбики ограждения. Малина рассыпалась и алыми каплями закатилась в следы в грунте, окрасила запашистыми пятнами траву у забора. А в глазах черно, света белого не видно, боль давит на виски.

Напротив замерла ящерица, выпучив глаза-бусины и подрагивая длинным языком. Тоже от жары глубоко проваливаются бока при дыхании. Словно с укоризной давала понять: удерживала тебя соседка от работы в жаркий полдень. Кто же виноват, что так вышло. Сидит Евдокия без движения, не в силах пройти несколько шагов до веранды, где на столе лежит спасительное лекарство, да и прохлада дома так близка. Сознание туманится, отказывается управлять телом, совсем худо!

Паучок, почуяв обездвиженность женщины, бесстрашно спустился в свое кружевное хозяйство и принялся поправлять ниточки. Быстро перебегая, соединял нарушенное в вековой узор круговой сети. Деловито крепил соединения. Она равнодушно смотрела на тонкую работу, на это неповторимое природное творчество, пока насекомое не справилось с порывами и не скрылось в листе. Всяк в своей жизни создает необычное и особое кружево, никем неповторимое.

Ужели вот так нелепо придется завершить жизненный путь? Среди кустов ягоды, рассыпанной из ведерка малины, под полуденным солнцем, ласкающим мир. Запекшимися губами попробовала подать голос, может, услышит кто? Да только хрип вырвался. Бороться нужно, нельзя сдаваться. Пальцы не чувствуют движения, руки и ноги не желают шевелиться. Дыхание судорожно короткими вдохами выталкивает небольшие порции воздуха. Легкие без того слабые, при согнутом теле и вовсе не желают разворачиваться.

Вдруг потянуло прохладой, словно приоткрыл некто калитку к реке и оттуда ворвался живительный воздух. Приподнялась стеблями трава, ботва на грядках развернулась, малина свернутые листья раскрыла и топорщилась, потянулась вверх. В минуты набежало белесое облачко, почернело и налилось влагой, превращаясь в тучку, сыпанул крупный солнечный дождь. Пришло облегчение, удалось повернуться на бок, распрямиться и вздохнуть. Тягучая боль в области сердца подалась в стороны к пальцам рук и ног, позволила шевелиться. Спустя время поднялась в полный рост, почуяв, что отпустило, и рассмеялась под дождем. Мокрая до последней нитки от крупных прохладных капель.

– Мишка! Провези меня по Чуйскому тракту, – вечером, действительно прося, обратилась к внуку.

– Ну, бабуля, ну ты даешь! То отказывалась, говорила, что терпеть не можешь этой дороги. И вдруг – поехали. Что случилось?

– А вот знаешь, время пришло.

Сегодняшним туманным утром выехали на трассу на коммунальный мост, и зашумели знакомые шины по асфальту. Запели дорожную трудную песню детства Евдокии...

Деревня, где родились и жили ее родители, находилась в стороне от тракта. Казалось, ничто не связывает семью с шоферской судьбой. Куда ни шло, стать трактористом-комбайнером, что в деревне являлось престижной профессией. Только постаралась судьба разнообразить повседневную деятельность деревенских парнишки и девчонки. К концу подходила большая война, водителей, некогда работающих на тракте, повывивало на фронтах. Кто погиб, кому-то досталась доля калеки. Такого разве посадишь за руль на столь трудной дороге? Работы же предстояло много, рейсами необходимо наполнить жизнь Чуйского тракта и оживить взаимовыгодную торговлю с дружественной республикой. Где взять шоферскую братию, готовую к испытаниям на столь сложной трассе? К жизни в командировках. К холодному металлу на зимнем полотне и невыносимой обморочной жаре в короткое лето. Кто поведет транспорт на крутые перевалы, достающие до самых белков? Сумеет отремонтировать автомобиль посреди горной долины, продуваемой ветрами, спускающимися с гор вдоль Чуи и Катюни?

Пришло время воспитать когорту водителей, готовых к испытаниям. Людей, способных в ущерб себе отдать кусок товарищу по работе. Тех, кто не проедет мимо и остановится у замершей посреди дороги машины.

Предложил председатель Ивану в конторе, при народе, на учебу поехать. Разве откажешь, коли трудно всем. Следом и Марья увязалась, их давненько не мыслили отдельно: Иван да Марья. Казалось, по-другому невозможно. Ведь прослышала где-то, что и девчонок берут готовить шоферами. Полные сироты – жили в людях, а тут устраивали в общежитии, питание и при хорошей учебе стипендию выплачивать обещали. Отучились, поженились. По окончании учебы предложили работу в автоколонне на Чуйский тракт рейсами ходить. Интересно и трудно.

Ивану думалось, что Марья откажется от своей затеи – в горы авто водить, вернется в деревню, будет, как положено жене, дожидаться его с рейса. А работа? Что ее мало в родной деревне? Да запала в сердце услышанная в первом рейсе на ночевке песня «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ходит по ней шоферов...», про любовь Кольки Снегирева к Раечке. Как пропиталась роба шоферская, а с ней и кожа, и сердце этой романтической историей. Прикипела Мария к дороге, уже вдвоем мотались от Бийска до границы, далее в Монголию. Вместе в кабине нельзя, отдельно ездили, радовались рейсам, когда удавалось в одной колонне двигаться.

Где-то в такой поездке и зародилась новая жизнь от шоферской любви, понесла жена и выбыла на какой-то срок с тракта. Но работала в автоколонне до самых родов. Кто тогда давал отпуска, увозили рожать от станков и прессов, с поля и сенокоса. Да и после рождения ребенка не сидели дома. Родина ждала, народ понимал – иначе нельзя. Месяц дома Ивана не было, возвращается, а на тракте жена голосует – подбирай семью в полном составе.

Сколько километров Евдокия намотала за свою жизнь? Богу известно. Это родителям версты считали и оплачивали за пробег, а она бесплатным приложением каталась. Вначале с матерью, отец грудью кормить не может, а далее – как получится: то с мамкой, то с папкой. Дом кабиной стал: положат сверток на сиденье и в рейс. На остановках накормят с бутылочки, а то и во время движения: руль одной рукой удерживают, а другой баюкают да соску дают дитяти малому. Ну, а коли не ко времени раскапризничается, песню поют «был один там отчаянный шофер, звали Колька его Снегирев», руль бросать нельзя, дорога не позволяет. Ребенок порой заливадается, мокро

ему, а как быть, коли за бортом минус тридцать и ближайшая деревня километрах в пятидесяти.

Так пеленки и впитали в себя запахи бензина, машинного масла. На уровне подсознания осталось в каждой клеточке тела – натруженная работа двигателя на подъем. Машины Ивана и Марьи знали и помогали во всем: пока отец стирает обмаранные пеленки, с девчонкой друзья водятся. Все от дома оторваны, хочется с ребенком позаниматься, хотя бы с чужим. Чем еще заниматься в шоферском общежитии, когда на улице холод: одни авто прогревают, другие сказки рассказывают. С пониманием братва шоферская – не с кем оставлять, родных нет. Где-то посреди трассы от Ташанты до Бийска встретятся, передадут дочь от одного родителя к другому. Минута на то, чтобы рассказать о проблемах. И побежали машины в разные стороны.

Подрастала Евдокия и запоминала происшествия на дороге.

Подъем на Семинский перевал, самую верхнюю точку Чуйского тракта, затажной и трудный. В те времена специально не асфальтировали, чтобы сцепление колес с дорогой надежнее складывалось. Натужно поет двигатель, мать напряженно вглядывается в утреннюю поземку. Дочь проснулась, но еще додремывает, крепко вцепившись в поручень. Из-за поворота вылетает неуправляемый лесовоз, не держат тормоза. Удар в кочку, лопается стяжка, пачка бревен рассыпается на дороге. Одно из них ударяет в передок машины Марии, следует резкая остановка, тело бросает вперед, на панель приборов. Разбито лицо у матери, в крови шаль, повязанная на подбородке у дочери. Из разбитых губ Евдокии кровь струйкой бежит под воротник.

Мария не кричала так никогда. Вцепившись в штурвал, откинувшись после удара назад всем телом, упиралась в педаль тормоза, стараясь удержать машину на дороге. А авто неудержимо тянуло под откос в кювет. Наконец, замедлившись, начала опрокидываться на бок. Мать схватила дочь за воротник пальтишка, сбросила дочь на пол кабины и упала сверху, прикрывая телом ребенка. Обошлось тогда. Водители, проезжавшие мимо, остановились, поставили машину на колеса и вытащили на дорогу. Монтажками и ломиками правили кабину, чтобы вытащить людей. Сквозь разговор людей и скрежет металла слышался только крик матери:

– Доченька! Ты жива?! Доченька, голос подай!

А Евдокия, перепуганная произошедшим, с полным кровью ртом, молчала, боясь говорить. Все думалось, что виновата именно она. И страшно неудобно признаться, что обмочила единственные штанишки. От страха. Как теперь поедут дальше?

Молодой парнишка, водитель лесовоза удерживался со сломанной ногой на четвереньках на полотне и так же сорванным в шёпот голосом просил:

– Жива? Жива?

Они действительно двигались дальше, все сладилось: разбитой оказалась только кабина. Холодно, да живы. В ближайшей мастерской остановились на ремонт, и мать вечерами после работы, прижимала голову дочери и все целовала жаркими, воспаленными губами. И жар этот Евдокия чувствовала через волосы. На третий день в мастерскую ворвался отец с воспаленными от бессонницы глазами. Он двое суток без остановки гнал машину по трассе из Монголии, передали ему известие о происшествии. Прижал к себе своих девочек, что-то горячее капнуло на голову, дочь подняла глаза и увидела, как плакал отец. И от отчаяния, что так переживал он за них, заревела во весь голос.

Втроем, обнявшись, понимали, что судьба оберегла их от страшного. Понимал это и маленький человечек, ищущий поддержки у взрослых, и все прижимавшийся к ним, не в состоянии что-либо сказать разбитыми в кровь губами.

Затем она поехала с отцом. Там в начале пути есть больница, а мать про-
должила рейс в глубину Алтайских гор.

Белый Бом! Дорога, уходящая в поднебесье. Евдокия помнила непро-
лазную грязь, дожди лили несколько дней. Вздрыбила Чуя и понесла
коричневые, перенасыщенные землей воды. Грунт смывало с полотна.
Раскисшая поверхность и буксующие авто создали затор на дороге, пре-
вратив все это в хаос. Машины не вытягивали взваленный на них чело-
веком груз через высшую точку. Подождать, да не терпит время, оправдан-
ний на грязную дорогу начальство не принимало. И только заостренные
лиственницы и ели свечками смотрели в небо, торжествуя испытаниям,
устроенным для организма, оставаясь свидетелями победы человеческого
разума.

– Нужно перегружаться, – говорит старый шофер дядя Вася. Его дед
ходил с купцами по Чуйской тропе. Из рассказов вся братия знала, как
торговый люд разгружал лошадей в этом месте, переносил за несколько
ходов груз на спине и после этого переводил лошадей.

– С кого начинаем, команду.

– Так кто первый на подъем стоит, того и разгружать.

Работа растягивалась на длительное время. Наполовину разгружен-
ная машина с трудом уходила в низкие дождевые облака, спускалась
с перевала, где ее разгружали до пустого кузова. Возвращалась и повтор-
но перевозила вторую половину груза. Вымазанные в грязи, уставшие
от непомерной тяжести, в мокрых телогрейках падали к вечеру у костра
и засыпали, забыв поужинать. С утра новые машины. И так, пока по-
следнюю не перегонят. Выкатится солнышко порадовать шоферов, а они
уже в кабины садятся и начинают движение. Не дождалось, когда доро-
га подсохнет.

Это место Дуня любила. Заработаются мужики, на нее внимания ни-
кто не обращает, она сидит в кабине, куклами играет. Заглянет отец
узнать надобности дочери, она спит уже. Подкармливали в такие дни
обществом: у кого пряник, конфета завалиются – вспомнят о ребенке.
Чай согреют или каши наварят, обязательно принесут. Умается – за-
снет: неважно, кто заглянет в кабину, заботливо укроет.

Однажды машину отцову вместе с Евдокией чуть не унесло рекой.
Случай выручил, а то ловили бы у порога под названием Бегемот. Не-
сколько авто стояли у спуска в сторону границы с Монголией. Девочка
играла в кабине, шофера ушли на ту сторону перевала. Куда ребенок де-
нется, тайга кругом. Да и привычная, не первый год с отцом, с матерью
катается. И невдомек мужикам взрослым, что надоела дорога поворота-
ми, подъемами и спусками, переправами. Поначалу интересно казалось:
как на паром заезжали в большую воду, как из тумана горы вырастают.
Красивыми водопадами реки падают с высоты, камни катятся с кручи
через дорогу.

Задремала девочка, надежно машины стоят. Дождь барабанит по кры-
ше, усыпляет. Никто из взрослых и не подумал глянуть на грунт, на-
висающий над полотном дороги. А капли дождя, собираясь в ручейки,
незаметно углубляли щели в грунте. Покачнулась, но устояла корена-
стая лиственница, да так и поехала с призмой грунта вниз. Оползень
образовался. Отрывая все больше земли от близкого камня, захватывая
с собой мелкие и средние обломки, вся эта каша поползла, ускоряясь
вниз. Противостояло этому бедствию несколько машин на стоянке, ко-
торые оказались отодвинутыми в стороны, словно спичечные коробки.
Единственная машина, подхваченная селом, пронеслась несколько

метров и оказалась в воде. Огромный валун пропустил с боков грунт и удержал авто от движения на середину реки. Иванов грузовичок стоял по борту в воде.

Евдокия проснулась от холода, увидела много воды и попыталась открыть дверь. Хорошо, что ей этого не удалось, камнем подперло. Она забралась на сиденье и подняла голову к крыше кабины, пытаясь в холоде дышать. Сколько времени прошло, она не вспоминала. Увидела лишь, как по дороге на спуске бегут мужчины, впереди отец. Он падал, кувыркался через голову, вновь соскакивал и бежал. Грязный и мокрый, с разбегу бросился в воду, подхватил на руки дочь.

Тело растирали спиртом возле костра, который пламенем поднимался, чудилось, выше неба. Затем она забылась, и во сне поплыли картины: страшный дед, смешно наряженный в балахон, стучит в большой бубен. От звука раскалывается голова, жарко телу. Она сбрасывает с себя тряпки, укрывающие худенькое тельце, а ее бережно укутывает отец. Чем-то отвратительным поят, сквозь сжатые зубы. После всего тишина и темнота, окружившие безнадежно ее маленькое тело.

Шофера вытащили машину, очистили от грязи агрегаты и механизмы. Когда отец вернулся от кама с еще слабой Евдокией, авто готово в путь. Лишь скопившаяся местами грязь, высохшая в пыль от нанесенного волной грунта, напоминала о происшествии.

В лучах восходящего солнца, проглядывающего из-за гор, они спустились по Чике Таману. Далеко внизу затянуло долину туманом, расстилающимся от реки Большой Ильгумень. Еще пять минут назад машина с трудом преодолевала подъемы и серпантины дороги. Бортовые огни впереди идущей машины то наплывали при торможении, то удалялись на ровных участках и таяли в тумане.

– Держись крепче, Дуня, самый опасный поворот! После него нам ничего не страшно.

И словно наваждение: огни вынырнули из белого молока и, нарастая угрожающе черным комом, приближающийся борт. Мария почувствовала – тормозить передний не может, двигатель не вытянул, неправильно выбрана передача. Выжала сцепление и медленно покатила назад, пока не уперлась бампером в фаркоп. Не торопясь и не суетясь, притормозила. Вот только не хватило сил удержать, и груженные машины стягивало вниз. Вывернув руль до упора вправо, почувствовала остановку, открыла дрожащими руками дверь. От передней машины уже бежал шофер, молоденький мальчишка. Убедился, что благодаря опыту и умению Марии не свалились с кручи. Посмотрели назад, оказалось, уперлись в камень. За очередным поворотом вынырнули из тумана.

Дорога вниз приятна, но трудна: успевай притормаживать. Плавное закругление поворотов и скорость прижимали тело, словно на карусели: Евдокию водили как-то в городской сад, где она каталась на лошадке. Разноцветные гипсовые кони несли по кругу детей, мелькало солнце в деревьях, кружилась голова. Так радостно в ее жизни не случалось. Вот и здесь возникли ощущения бега по кругу. Когда же дорога нырнула в густой туман, пришлось сбросить скорость.

- Тещин язык, называют серпантин.
- Почему?
- Потому что он длинный. Слово язык.
- А кто такая теща?
- Подростешь, узнаешь.

От этого простого разговора и после снятого напряжения на душе весело и невесомо. Думалось, что можно ехать далеко и долго, всю жизнь. Так редки совместные часы пребывания.

Вскоре девочка оказалась в детском саду на круглосуточном содержании: это когда детей из садика родители не забирали, и они вынуждены оставаться на ночь. Дуне в рейсах тяжело, но уж лучше с родителями в кабине машины, чем без них. А маму с папой всецело забирал Чуйский тракт. Хотя по выходным и с выпавшим на это время рейсом, она продолжала кататься в горы и обратно.

Попали они с отцом в замес, так водители говорят об остановке на тракте по какой-либо причине в плохую погоду. Высоко в горах привольно раскинулась Чуйская степь. Местность, близкая к солнцу и высоко над океанами. Солнечных дней здесь больше, чем в Крыму. Да близкое расположение к вечным снегам на макушках гор холодит: летом, когда удивительно холодные ночи, а особенно зимой, когда отрицательные температуры опускаются до шестидесяти градусов. В этих степях простывали купцы, пришедшие торговать на Рождественскую ярмарку, потом носившие в себе болезнь, что сгрызала организм, иссушивала и убивала. Разве легко создать комфортные условия в палатках на открытом месте? Позже уже построили заимки и склады, дома жилые.

Задует ветер и ну разгоняться по голой степи. Задержаться негде, каменная почва, да лед замёрзших рек и озер. Ни куста, ни деревца. Камень остывает быстро от наружного воздуха, от вечного льда, залегающего на небольшой глубине. Снега мало, здесь редки осадки, понесет поземкой тонкий слой его, словно смазки кто налил на дорогу. Под вечер на подъезде к Кош Агачу занесло машину и сбросило с трассы. Отец вышел, осмотрелся. Страшного не произошло. Заводить, а машина не слушается. Молчит двигатель и не схватывает, чего-то не хватает. Кабины в те годы нарощенные, не греют, выветриваются моментально. Уже через пять минут пар изо рта пошел и иней посыпался с крыши. А вокруг тишина, ни одной встречной или попутной машины. Отец крутился вокруг машины, открыл капот, голыми руками крутил мелкие винтики и гаечки. Колотил себя по бокам, чтобы как-то отогреть кисти, запихивал их под мышки. Дело не подавалось.

Дуню укутал, собрав все тряпки. Разводить костер бессмысленно. На таком ветре пламя сбивает, и гаснут дрова, топливо, слитое с бака. Долго нет проезжающих мимо авто. Небо почернело ночной темнотой, внезапно прекратился ветер, и высыпало по горизонту белым-бело звезд. В такой красоте и умирать не больно. В очередной раз отец забрался в кабину, растормошил ото сна дочь — Дунечка, доченька! Не засыпай. Шевелись, авось Господь поможет.

А она не в силах удерживать веки закрывала глаза, смыкая ресницы. С неба слышался колокольный звон, песнопения. Откуда-то появился холодный свет, голоса ангелов. Ее взяли на руки и понесли. Она поняла, что это шофера, приехавшие на подмогу отцу. Ее раздели и растирали как тогда, на Белом Боме. Затем уложили на горячую лежанку, и она сквозь слезы видела, как мазали бараньим жиром красные от мороза руки отца...

В обратный путь машина и бежала быстрее, как-никак с гор спускались. Евдокия под разговор внука задремала, открыла глаза перед самым городом Бийском. Зеленая полоса соснового бора нежилась в лучах закатного солнца. Теплые волны воздуха разливались над луговиной. В кабине уютно, совсем не жарко, радостно на душе, что вот оно — окончание маршрута.

Как можно не любить эту дорогу? Дорога — есть ее жизнь. А жизнь обожать нужно, тогда она красками расцветится на всю глубину. Раскинется радугой над полотном и пропустит в будущее.